

ТОНКИЙ трепетный луч, словно свет далекой звезды, пал во тьму онемевшего зала. Под переливы и всплески электронной музыки хлынули метеорные дожди, и хвостатые кометы обежали невидимое пространство, очертив изломы углов. То ли чья-то жалоба долегла из бездны, то ли всхлипнул и захлебнулся «клекот затонувших колоколов. Но прежде чем пульсирующая мелодия вновь ожила, в зодиакальном призрачном озарении высветилась знакомая улыбка и глаза в очках, завороненные распахнувшейся вдруг бесконечностью. Казалось, что зал, как стеклянный ящик, повис во вселенской пустыне, и разорванные спирали галактик медленно вращаются вокруг него. Точнее, вокруг его центра, где стремительные потоки корпускул одухотворяли космической силой портрет Рэя Брэдбери.

Грозный рокот ракет слышался в самом этом имени. Рывком в пространстве звучала непреднамеренная аллитерация. А потом в стонущей, завывающей электронных модулях мгле пробудился хрустальный девичий голос. Зов человечества, ищущего далеких собратьев, полетел навстречу горящим мирам. Японская актриса читала поэму «Моби Дик», которую Брэдбери написал в честь первого в истории всемирного конгресса писателей-фантастов.

Сам автор не прилетел тогда в Токио, как, впрочем, не прилетал он и на многие другие международные встречи. Он не жалуется самолеты, особенно реактивные лайнеры, которые, как ему кажется, летают слишком высоко и быстро для нормального человека. Величайший из американских фантастов — не

Этот снимок сделан в начале 1980 года в рабочем кабинете писателя в Лос-Анджелесе.

совсем типичный американец: по таким же примерно соображениям не садится он и за руль автомобиля. Возможно, именно эти причуды и породили миф о ненависти прославленного фантаста к технике, индустрии, промышленной цивилизации вообще.

Конечно же, никакой ненависти нет и в помине. — Наша техника — это мы сами, — не устает напоминать Брэдбери. — Техника, вернее, то, как мы пользуемся ею, есть воплощение нашей фантазии. Если фантазия добра, будет хороша и порожденная ею техника. Уэллс, например, был уверен, что изобретение атомной бомбы знаменует собою конец человечества. Однако мы живы...

Создатель одного из лучших в мировой фантастике рассказов «Будет ласковый дождь», где до боли реально показана обезлюдевшая в атомной катастрофе земля, по-прежнему тверд в главном своем убеждении:

— Я не верю в возможность третьей мировой войны. Самоуничтожение — простой

способ решения всех проблем. Но мы не настолько безумны...

Нет, он не отрешенный от реальности сказочник, каким его пытались изобразить, не прекраснотелый мечтатель, но мыслитель, наделенный редким аналитическим даром. Таким, собственно, и надлежит быть фантасту, исследующему наиболее острые проблемы сегодняшнего дня. Именно сегодняшний дар питают соки современности. Потому что человек принадлежит прежде всего своей эпохе.

— Научная фантастика не имеет ничего общего с буду-

ВОЛШЕБНИК ИЗ «СТРАНЫ ЗВЕЗД»

вечное и неожиданное ощущение, которое подарил нам космос, предугадано им».

Альфред БЕСТЕР. «Он сумел слить воедино бездну пространства и непознанные бездны души».

Бен БОВА. «Для всех нас очень важно постоянно сознавать то, что Брэдбери — наш современник. Это как зарядка, как заправка и прочее перед собственным стартом».

А сам Брэдбери — полусерьезно, полуиронически — сказал о себе так:

— Пожалуй, прежде всего я занимаюсь волшебством. Словно фокусник, я манипулирую наукой и техникой и

заставляю поверить в невозможное.

Для меня Брэдбери прежде всего — великий мастер, творец миров, навечно влюбленный в недостижимые звезды. Он одухотворяет космос, пробуждает живое языческое начало природы. Планеты и те сбиваются с вековых орбит от веселого хмеля его зеленоватого вина, сваренного из одуванчика — цветка Солнца. И все преображается, обретает непривычный, иногда пугающий лик. На дне заброшенного колодца как символ праведной мести

дланной глины мира, в которые писатель вдохнул душу. Изменчивые, прекрасные, тоскующие, леденящие первобытным ужасом спирали. И как нарочито четкие границы между жизнью и иллюзией! Лишь один рубеж обозначен строго и постоянно. Словно сомкнулись невиданные тюремные корпуса из стекла и стали, навсегда разлучившие человека с природой, с самим собой. Горьки плоды насильственной этой разлуки. Технотронная суперурбанизация, немислимые скорости, усыпляющая отра-

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

«Золотое яблоко солнца» и зеленый росток, ожививший планету. Символические картинки, поэтические метафоры, вылепленные из перво-

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...

буждается дух марсиан, не ведающий пощады. Истребительный ветер — первозданная, осознавшая самое себя стихия — выдувает из каменных стен дерзкого человека, выдувает вон душу из ребер его. Последний на земле динозавр в безысходной тоске о себе подобных льнет к каменной башне одинокого маяка...